

единственного рецепта с трудом, а выявляясь, выглядит натянутой, искусственно увиденной. Нужен столь же универсальный — общекультурный — контекст, сколь универсальна и всеобъемлюща эта особенность средневековой противоречивости. Этот контекст — вся средневековая интеллектуальная жизнь, представленная в текстах — философских, художественных, хроникальных... Буду конспективно краток, делая остановки лишь на ключевых моментах средневекового самосознания — философской рефлексии этого феномена¹.

Целеполагающее движение рыцарских туров мысли предопределено с самого начала и направлено к постижению сущности. Если те, кто спорят, — поэты, то любовь, божественная и прекрасная, и есть их умопостигаемая сущность. Когда же ратоборствуют богословы-философы, то их сущность — ни больше ни меньше — сущность самого бога².

Длится этот духовный поединок не десять часов, а десять веков в пределах европейской средневековой культуры, каждый раз видоизменяясь, но каждый раз оставаясь неповторимо средневековым.

Пусть же мышление расскажет о себе самом, уточняя-уточняя особенности собственной специфически средневековой противоречивости.

АВГУСТИН (IV—V в.) в «Исповеди» говорит: *«Есть своего рода прелесть в прекрасных телах, и в золоте, и в серебре, и во всем тому подобном; для осязания всего приятнее гармония частей, есть и для других чувств соответственно — приятные свойства тел. Есть привлекательность и во временных почестях и правах силы и власти, от чего и рождается властолюбие, но... И жизнь наша, которую мы живем здесь, имеет своего рода заманчивую прелесть по своей красоте и возможности наслаждаться*

¹ Не крестовые походы; не сеньориальные тяжбы; не кровопролития Тридцатилетней войны; не рыцарский турнир; не соперничество — передко с легальным исходом — из-за прекрасной дамы... Диспут-турнир перенесен в стихию слова. Но, перенесенный в реальность словесную, турнир этот не становится оттого менее драматичным, менее подлинным. Скорее, наоборот. Турнир осознанный переживается острее, нежели турнир, ставший бытом. Цель поединка словесного иная. Это не мирские цели крестоносцев — выручка гроба господня; или враждующих феодалов — лишней земельный падел, добытый в результате сеньориальных тяжб; или воинственных гугенотов — уточнения в обрядах (войны Реформации); или, наконец, соперничающих рыцарей — приз короля или благосклонная улыбка дамы сердца: рыцарский турнир. Нет, нет! И это важно. И эти цели переживаются столь же пылко и полно. Но, ставши бытом, а потому существующие вне рефлексии, они менее податливы анализу в отличие от осознаваемых поединков в сфере мышления.

*Мощной цепью доказательств,
Силой многих аргументов
И цитадами — конечно,
Из бесспорных документов —
Хочет каждый из героев
Всех врагов обезоружить,
Доведеньем до абсурда
Сущность бога обнаружить*
(Гейне, 1956, 1, с. 383 и сл.).